Сказки о драконах

Автор:
Эдит Несбит

Сказки о драконах

Эдит Несбит

Представьте себе мир, в котором драконы живут рядом с нами. Иногда они добрые и милые; пьют молоко и обожают хлеб. А иногда грозные и опасные; и тогда из-за них маленьким мальчикам и девочкам даже запрещено выходить из дома. Из книги «Сказки о драконах» Эдит Несбит вы узнаете все, что нужно знать о самых таинственных и опасных созданиях на Земле. Где они живут? Как выглядят и чем отличаются друг от друга? Как приручить, накормить и ухаживать за этими могущественными существами? Веселые, забавные и удивительные сказки, рассказывающие о людях, драконах и приключениях, которые они переживают вместе, будут интересны не только детям, но и их родителям.

В сборник вошли сказки: «Укротители драконов», «Освободители своей Отчизны», «Добрый маленький Эдмонд», «Огненный дракон».

Эдит Несбит

Сказки о драконах

Укротители драконов

Возвышался когда-то старый, старый замок, такой старый что его стены и башни, и башенки, и ворота и своды все обратилось в руины и от всего его былого величия осталось всего две маленькие комнатки...

В этих-то руинах кузнец Джон и устроил свою кузницу. Он был слишком беден, чтобы поселиться в настоящем доме; за комнаты же в руинах никто не требовал с него квартирной платы, так как все владельцы замка уже давно умерли.

Итак, здесь Джон раздувал свои меха, ковал свое железо и исполнял всякую работу, которая только попадалась ему в руки. Работы этой было не так много, потому что большая часть её доставалась городскому голове, который также имел кузнечную мастерскую огромных размеров, и большой завод напротив городского сквера; у него было двенадцать учеников, стучавших молотками, точно стая дятлов, двенадцать мастеров, которые давали приказания ученикам, и патентованная кузница, и самодействующий молот, и электрические меха, и масса тому подобной новейшей техники.

Понятно, когда горожанам нужно было подковать лошадь или сварить ось, они отправлялись к главе. Что касается кузнеца Джона, то он перебивался, как мог, при помощи некоторых случайных заказов, получаемых от путешественников и иностранцев, которые не знали, какую роскошную кузницу имел глава.

Обе комнаты были теплы и не пропускали ни дождя, ни ветра, но они были довольно тесны, из-за этого кузнец привык сохранять старое железо и разный хлам, а также щепки и крохотный запас угля, в большой сводчатой тюрьме под замком.

Это была очень красивая тюрьма, с прекрасной сводчатой крышей и огромными железными кольцами, винты которых были вмурованы в стену, что делало их очень прочными и удобными для привязывания пленников; с одной стороны ее виднелась полуразрушенная широкая лестница, ведущая вниз, Бог весть куда. Даже владельцы замка в старые добрые времена никогда не знали куда вела эта лестница, хотя время от времени сбрасывали с нее какого-нибудь заключенного по своему веселому, простосердечному нраву и, о, чудо, эти заключенные больше не возвращались.

Кузнец никогда не осмеливался спускаться ниже седьмой ступеньки; я также не отважился на это, поэтому знаю не больше его о том, что находилось внизу этой

лестницы.

У кузнеца Джона была жена и маленький ребенок. Когда жена его не исполняла какой-нибудь домашней работы, она имела обыкновение нянчить ребенка и плакать, вспоминая о счастливых днях, когда она жила со своим отцом, который держал семнадцать коров и жил в деревне, а Джон приходил в летние вечера ухаживать за ней, одетый в праздничный костюм и с цветком в петлице. Теперь волосы Джона начали седеть, и они с ним жили постоянно впроголодь.

Что касается ребенка, он много плакал и днем, но в разные, неопределенные часы; зато ночью, когда мать его укладывала спать он каждый раз принимался плакать, и ей почти ни на минуту не удавалось уснуть. Это, конечно, сильно утомляло ее. Ребенок мог вознаградить себя за бессонные ночи днем, если ему хотелось, но его бедная мать не имела возможности этого сделать. Итак, как только выпадала свободная минутка, она усаживалась и плакала, так как была измучена работой и горем.

Однажды вечером кузнец работал в своей кузнице. Он делал подкову для козы одной очень богатой дамы, которой пришло в голову посмотреть, не понравится ли козе ходить в подковах, а также – обойдется ли каждая подкова в двадцать пять или двадцать копеек, прежде чем она закажет весь набор.

Это был единственный заказ, полученный Джоном за всю эту неделю. Пока он работал, жена его сидела и нянчила ребенка, который, к великому удивлению, на этот раз не плакал.

Прошло таким образом некоторое время, и вдруг, сквозь шум, производимый мехами, и стук молотка о железо, стал прорываться какой-то новый звук. Кузнец и его жена переглянулись.

– Я ничего не слышал, – заявил он.

– И я также – заявила она.

Но шум все усиливался, и оба так старались заглушить его, что кузнец принялся бить молотком по подкове сильнее, чем бил когда-либо в жизни, а его жена начала петь ребенку, чего она не делала уже несколько недель.

Но сквозь шум мехов, звон молотка и пение звук прорывался все громче и громче, и чем сильнее они старались не слышать его, тем яснее он доносился до них. Шум походил на то, будто какое – нибудь огромное животное все мурлыкало, мурлыкало и мурлыкало; а не желали они верить в то, что мурлыканье, действительно, раздавалось, потому что оно неслось из большой сводчатой тюрьмы – оттуда, где лежало старое железо и щепки и крохотный запас угля, и полуразрушенная лестница, которая вела во мрак и кончалась Бог весть где.

– Положительно невозможно, чтобы кто-нибудь забрался в подземную тюрьму, – сказал кузнец, вытирая лицо.

– Однако, мне придется спуститься туда через пару минут за углями.

– Конечно, там никого нет. Как мог бы кто-нибудь забраться туда? – заметила его жена.

И они так сильно старались поверить, что там никого не могло быть, что под конец почти действительно поверили этому.

Затем кузнец взял в одну руку лопату, в другую молоток, подвесил – фонарь на мизинец и спустился вниз за углями.

– Я беру молоток вовсе не потому, что думаю, что там кто-нибудь есть, – объяснил он, – но им очень удобно разбивать крупные куски угля.

– Я прекрасно понимаю это – сказала его жена, которая принесла уголь в фартуке в это самое утро и знала, что это была попросту угольная пыль.

Итак, он спустился по винтовой лестнице в тюрьму и остановился на нижней ступеньке, держа фонарь над головой, только для того, чтобы убедиться, что тюрьма была совершенно пуста, если не считать обломков железа, разного хлама, щепки и угля. Но другая половина ее оказалась полна, и наполняло ее не что иное, как дракон.

– «Он, наверно, поднялся по этой гадкой полуразрушенной лестнице, Бог весть откуда», – сказал кузнец сам себе, весь дрожа и пытаясь снова выбраться из

тюрьмы по винтовой лестнице.

Но дракон был проворнее кузнеца, – он протянул огромную лапу, вооруженную когтями, и схватил его за ногу, звеня на ходу, как большая связка ключей или листовое железо, которым изображают гром в феерии.

– Нет, вы не уйдете от меня, – сказал дракон голосом, трещащим точно отсыревшая шутиха.

– Боже мой, Боже мой! – стонал бедный Джон, дрожа сильнее прежнего в когтях дракона, – нечего сказать, симпатичный конец для почтенного кузнеца!

Дракон, по-видимому, был крайне поражен подобным замечанием.

– Не повторите ли вы ваших слов еще раз? – попросил он очень вежливо.

– Нечего сказать, симпатичный конец для почтенного кузнеца, – повторил очень отчетливо Джон.

– А я и не знал этого, – сказал дракон. – Представьте себе только! Вы именно тот человек, которого я искал.

– Вы, кажется, уже упоминали об этом, – сказал Джон, едва попадая зубом на зуб.

– Ах, я подразумеваю вовсе не то, что вы думаете, – сказал дракон, – мне попросту хотелось бы, чтобы вы сделали небольшое дельце для меня. Из одного моего крыла выпало несколько заклепок, как раз под суставом. Сумеете вы мне его исправить?

– Может быть, и сумею, сударь, – сказал Джон вежливо, так как всегда надо быть вежливым с возможным заказчиком, хотя бы им был и дракон.

– Мастер ремесленник, – ведь вы, конечно, мастер! – может сейчас же замените что испортилось, – продолжал дракон. – Подойдите сюда и ощупайте мой панцирь, хорошо?

Джон робко подошел, когда дракон снял с него свою лапу; действительно, левое крыло дракона ослабло и висело, Бог весть как, и некоторая из панцирных плит возле крыла требовали немедленной заклепки.

Дракон, по-видимому, весь состоял из железного панциря, принявшего какую-то коричневатую, ржавую окраску, вероятно, от ярости, а под этим панцирем у него еще виднелось что – то пушистое, похожее на мех.

Кузнец пробудился в сердце Джона, и он почувствовал себя гораздо спокойнее.

– Вам, конечно, не повредила бы парочка, другая заклепок, сударь, – сказал он, – в сущности, вам их нужно даже порядочное количество.

– Ну, так принимайтесь за работу! – сказал дракон. – Вы почините мое крыло, затем я выйду отсюда и съем весь город и, если вы хорошо исполните работу, я съем вас напоследок. Вот!

– Я вовсе не хочу быть съеденным последним, сударь, – возразил Джон.

– Отлично, в таком случае я съем вас первым, – согласился дракон.

– Но я и этого тоже не желаю, сказал Джон.

– Перестаньте болтать вздор, глупый человек, – сказал дракон. – Вы, по-видимому, сами не знаете, чего хотите. Принимайтесь скорей за работу!

– Мне эта работа совсем не нравится, – сказал Джон, – вот все, что я могу сказать. Я знаю, как легко происходят разные несчастные случаи. Все идет слишком гладко и хорошо: «пожалуйста почините меня, и я съем вас последним». Затем начнешь работать и вдруг вы толкнете джентльмена под заклепки… там появится и огонь, и дым, а вы даже и не извинитесь.

– Даю вам слово честного дракона… – начал тот.

– Я знаю, что нарочно вы этого не сделаете, сударь, продолжал Джон, – но всякий порядочный человек подскочит и захрапит, если его заденешь, а одного вашего храпа было бы достаточно, чтобы отправить меня на тот свет. Другое

дело, если бы вы позволили мне немного связать вас!

– Это было бы так неблагородно, – возразил дракон.

– Мы всегда привязываем лошадей, – убеждал Джон, а ведь ее постоянно называют «благородным животным».

– Все это отлично, сказал дракон, – но как я могу знать, что вы развяжете меня, когда сделаете все заклепки? Дайте мне что-нибудь в виде залога. Что вы цените выше всего на свете?

– Мой молоток, – объявил Джон. – Кузнец ничего не стоит без своего молотка.

– Но ведь он будет вам нужен, чтобы заклепать меня. Вы должны придумать что-нибудь другое и поскорее, иначе я съем вас прежде всех.

В эту минуту ребенок начал плакать наверху в комнате. Мать его сидела так тихо, что он подумал, что она улеглась спать и что пора начинать свой обычный ночной концерт.

– Что это такое? – спросил дракон, вздрагивая так сильно, что все железные пластинки на его теле зазвенели.

– Это только ребенок, – ответил Джон.

– А что это такое? – спросил дракон, – что-нибудь, что вам дорого?

– Конечно, сударь, несомненно дорого! – сказал кузнец.

– В таком случае, принесите его сюда, – сказал дракон, – я подержу его, пока вы не закончите меня заклепывать, а я позволю вам связать меня.

– Отлично, сударь, – сказал Джон, – но я должен предупредить вас. Дети – настоящий яд для драконов, не хочу вас обманывать. Дотронуться до него совершенно безопасно, но и не пытайтесь брать его в рот. Мне было бы страшно больно если бы с таким красивым джентльменом, как вы, случилось какое-нибудь несчастье.

Дракон замурлыкал при этом комплименте и сказал: – Отлично, я буду осторожен. А теперь идите и принесите эту штуку, какова бы она ни была.

Ну вот, Джон и побежал наверх, как мог скорее, так как знал, что, если дракон придет в ярость прежде, чем он успеет его связать, то он может поднять крышу тюрьмы одним движением спины и похоронить их всех под развалинами. Жена его спала, несмотря на крик ребенка; Джон поднял его на руки, отнес вниз, и положил между передними лапами дракона.

– Вы только мурлыкайте ему, сударь, – сказал кузнец, – и он будет лежать совершенно тихо.

Дракон замурлыкал, и его мурлыканье так понравилось ребенку, что он тотчас же перестал плакать.

Джон порылся в куче старого железа и нашел там несколько тяжелых цепей и огромный ошейник, который был сделан в те дни, когда люди пели над работой и выкладывали в нее всю свою душу, поэтому вещи, сделанные ими, выходили достаточно крепкими, чтобы выдержать тяжесть целого тысячелетия, а не только дракона.

Джон привязал дракона при помощи ошейника и цепей, и когда запер их тяжелыми замками, то принялся рассматривать, сколько ему потребуется заклепок.

– Шесть, восемь, десять, двадцать, сорок, – сосчитал он, – у меня не найдется даже и половины этого количества дома, – сказал он дракону. – Если вы позволите, сударь, я дойду до другой кузницы и куплю несколько дюжин. Я вернусь через минутку.

И он ушел, оставив ребенка между передними лапами дракона; малютка смеялся и кричал от радости при звуках громкого мурлыканья.

Джон побежал так быстро, как только мог в город и разыскал там главу и всех членов городского правления.

– В моей темнице сидит дракон, – сказал он, – я связал его цепями. Идите со мной и помогите мне вернуть моего ребенка.

И он рассказал им всю историю.

Но случилось так, что все были заняты в этот вечер, поэтому ограничились тем, что похвалили Джона за его находчивость и сказали, что очень рады оставить все дело в таких искусных руках.

– Но как же насчет моего ребенка? – спросил Джон.

– Ну, что ж, – сказал глава, – если что-нибудь случится с ним, вы всегда можете утешиться мыслью, что ваш ребенок погиб ради благой цели.

Итак, Джон отправился домой и рассказал своей жене некоторую часть этой истории.

– Ты отдал ребенка дракону? – закричала она. – Ах, ты бессердечный, жестокий отец!

– Тише! – возразил Джон и рассказал ей еще немного.

– Теперь, окончил он, – я спущусь вниз. Когда я пробуду там немного, ты тоже можешь пойти и, если сохранишь присутствие духа, с мальчиком нашим ничего дурного не сделается.

Кузнец спустился вниз и увидел, что дракон мурлыкает изо всех сил, чтобы успокоить ребенка.

– Поторопитесь же, что вы там пропали? – сказал он. – Не могу же я производить шум всю ночь.

– Мне страшно жаль, сударь, – сказал кузнец, – но все лавки закрыты. Мы должны подождать до завтрашнего утра. И не забывайте, что вы обещали охранять этого ребенка. Боюсь, что это немного утомит вас. Спокойной ночи, сударь.

Дракон мурлыкал так долго, что положительно задыхался, поэтому теперь замолчал, а как только настала тишина, – ребенок вообразил, что все улеглись спать, и что ему пора начинать кричать. И он начал.

– Боже мой! – воскликнул дракон, – как это ужасно!

Он попытался погладить ребенка лапой, но тот закричал еще громче.

– А я к тому же так устал, – сказал дракон. – И так надеялся хорошенько выспаться.

Ребенок продолжал кричать.

– Я никогда больше не узнаю покоя. – жаловался дракон, – этого совершенно достаточно, чтобы расстроить нервы на всю жизнь. Тише, баю, баю, тише, – и он попробовал убаюкать ребенка, точно это был молодой дракон. Но когда он начал петь: – «Баю, баю, дракончик мой!» – ребенок стал кричать все сильней и сильней.

– Я никак не могу успокоить его, – сказал дракон и тут внезапно увидел женщину, сидящую на ступеньках.

– Эй, вы, там, – послушайте! – позвал он. – Вы имеете какое-нибудь понятие о детях?

– Имею, небольшое, – ответила мать.

– В таком случае, я был бы вам очень обязан, если бы вы взяли вот этого и дали мне немного поспать, – сказал дракон, зевая. – Можете принести его назад завтра утром, раньше, чем кузнец проснется.

Мать взяла ребенка, отнесла его наверх и сообщила обо всем своему мужу, и они улеглись спать совершенно счастливые, так как поймали дракона и спасли своего ребенка.

На следующий день Джон пошел вниз и объяснил дракону совершенно точно, как обстоят дела: затем добыл железные ворота с решеткой и поставил их у

подножья лестницы, а дракон яростно промяукал не мало дней, пока, наконец, не понял, что это совершенно бесполезно и успокоился.

Теперь Джон снова пошел к главе и сообщил ему:

– Я поймал дракона и спас город.

– Благородный наш спаситель! – закричал глава, – мы объявим сбор денег для вас и публично увенчаем лавровым венком!

Итак, глава отписал пятьдесят рублей и члены городского правления – тридцать; и другие люди дали свои гинеи и полугинеи и кроны, и полукроны, и, пока этот сбор происходил, глава заказал городскому поэту три поэмы за собственный счет, ради этого торжественного случая.

Поэмы имели громадный успех, особенно у главы и членов городского правления.

В первой поэме говорилось о благородном поведении главы, распорядившегося связать дракона. Во второй описывалось содействие, оказанное ему членами государственного правления. В третьей выражалась гордость и радость поэта, получившего разрешение воспеть подобные деяния, перед которыми подвиги рыцарей должны были показаться совершенно ничтожными в глазах всякого, имеющего чувствительное сердце и уравновешенный мозг.

Когда сбор был окончен, в кассе оказалось десять тысяч рублей, и был избран комитет, чтобы решить, что с ними делать. Третья часть пошла на торжественный обед для главы и членов городского правления; вторая треть была употреблена на покупку золотого ожерелья, с изображением на нем драконов, для главы и золотых медалей, с драконами, для членов городского правления; остальное же разошлось на покрытие расходов по созданию комитета.

Итак, для кузнеца не осталось ничего, кроме лаврового венка и сознания, что именно он спас город. Но после этого дела кузнеца все же стали понемногу поправляться.

Начать с того, что ребенок уже не плакал так часто, как раньше. Затем, богатая дама, владетельница козы, была так тронута благородным поступком Джона, что заказала целый комплект подков за восемьдесят копеек и даже заплатила девяносто, в виде благодарности за его службу на пользу общества.

Затем туристы стали приезжать в колясках даже издалека и платить по десять копеек с лица за право спуститься по винтовой лестнице и взглянуть сквозь железную решетку на ржавого дракона, сидящего в подземной тюрьме; если какая-нибудь компания хотела посмотреть дракона при бенгальском огне, – с нее взималось каждый раз по пятнадцать лишних копеек, что составляло семь копеек чистого барыша, так как бенгальский огонь горел самое короткое время. Жена же кузнеца приготовляла всем чай по сорок пять копеек с персоны, и вообще дела с каждой неделей все больше и больше поправлялись.

Ребенок, названный Джоном в честь отца и называемый для краткости Джонни, начал мало-по-малу подрастать. Он очень сдружился с дочерью жестяника, который жил почти напротив. Это была премиленькая дочурочка, с желтыми косичками и голубыми глазами, и она никогда не уставала выслушивать истории о том, как Джонни, когда он был совсем маленьким, укачивал настоящий дракон.

Двое детей часто ходили вместе посмотреть на дракона сквозь железную решетку, и иногда они слышали, как он жалобно мяукал. Иногда они сжигали на пятачок бенгальского огня, чтобы полюбоваться им при освещении. И они становились все больше и умней.

Но однажды случилось, что глава и члены городского правления, охотившиеся за зайцами в своих парчовых одеждах, вернулись назад к воротам города, крича, что хромой, горбатый великан, величиною с церковь, идет через болото по направлению к городу.

– Мы погибли! – кричал глава. – Я дал бы десять тысяч рублей тому, кто не допустил бы великана в город. Я отлично понял, чем он питается, по его зубам.

Никто по-видимому, не знал, что предпринять. Но Джонни и Тина прислушались к разговору, потом переглянулись между собой и побежали так быстро, как только ноги могли нести их.

Они пробежали, не останавливаясь, через кузницу, бросились вниз по витой лестнице и постучались в железную дверь.

– Кто там? – спросил дракон.

– Это только мы, – ответили дети.

Дракон до того соскучился, просидев один целых десять лет взаперти, что сказал:

– Войдите, мои милые.

– Вы не сделаете нам никакого зла, не дыхнете на нас пламенем или тому подобное? – спросила Тина.

И Дракон ответил:

– Ни за что на свете.

Тогда они вошли и поговорили с ним, – рассказали ему, какая на дворе погода, что пишется в газетах, и, наконец, Джонни сказал:

– В город пришел хромой великан.

Он ищет вас.

– Вот как? – удивился дракон, показывая зубы. – Если бы я только мог выбраться отсюда!

– Если бы мы вас освободили, вы могли бы убежать, прежде чем он сможет поймать вас.

– Да, конечно, я мог бы убежать, – ответил дракон, – но, с другой стороны, я мог бы и не убегать.

– Неужели… неужели же вы стали бы биться с ним? – спросила Тина.

– Нет, – сказал дракон, – я сторонник мира, о, да. Выпустите-ка меня отсюда, и вы увидите!

Итак, дети освободили дракона от цепей и ошейника, и он сломал один конец тюрьмы и вылез наружу, остановившись только у дверей кузницы, чтобы попросить кузнеца заклепать ему крыло.

Он встретил хромого великана у ворот города, и великан стал бить дубиной по дракону, словно по чугунному котлу, а дракон повел себя точно чугунно-литейный завод, испуская из себя пламя и дым. Это было ужасное зрелище, и люди наблюдали за ним издали, падая навзничь при сотрясении, производимом каждым ударом, но каждый раз вставая снова и снова, чтобы продолжать свои наблюдения.

Наконец, дракон выиграл битву, и великан с пристыженным видом заковылял обратно через болото, а дракон, сильно уставший, отправился домой поспать, объявив о своем непременном намерении съесть город утром. Он пошел назад, в свою старую тюрьму, потому что был чужим в этом городе и не знал никакой другой приличной квартиры. Тогда Тина и Джонни отправились к главе и к членам городского правления и объявили:

– С великаном дело покончено. Пожалуйста, дайте нам награду в десять тысяч.

Но глава сказал:

– Нет, нет, мой мальчик. Не вы победили великана, а дракон. Полагаю, вы его опять посадили на цепь? Когда он придет требовать награду, – он получит ее.

– Нет, он еще не посажен на цепь, – возразил Джонни. – Может быть, вы желаете, чтобы я прислал его к вам за наградой?

Но глава сказал, что просит его не беспокоиться; теперь он предложил награду в десять тысяч рублей тому, кто снова посадит дракона на цепь.

– Я вам не доверяю, – сказал Джонни. – Вспомните, как вы поступили с моим отцом, когда он посадил дракона на цепь.

Но люди, подслушавшие у дверей, прервали их разговор и объявили, что, если Джонни сумеет снова заковать дракона, – они прогонят голову и позволят Джонни быть головой вместо него. Они уже давно были недовольны своим главой и жаждали перемены:

Джонни ответил:

– По рукам, – и убежал вместе с Тиной. Они посетили всех своих маленьких друзей и просили их:

– Вы хотите помочь нам спасти город?

И все дети сказали:

– Ну, да, конечно, хотим. Как это будет весело!

– Отлично! – говорила Тина, – в таком случае, вы все должны принести свои кружки молока с хлебом завтра во время завтрака.

– И если я когда-нибудь сделаюсь главой, – сказал Джонни, – я устрою большой пир и приглашу вас всех. И за обедом у нас будет только одно сладкое от начала и до конца.

Все дети обещали, и на следующее утро Тина и Джонни скатили большое корыто вниз по винтовой лестнице.

– Что это за шум? – спросил дракон.

– Это только дыхание какого-то большого великана, – сказала Тина; – вот теперь он и прошел.

Затем, когда все городские дети принесли свое молоко с хлебом, Тина стала сливать его в корыто и, когда последнее было полно, она постучалась в железную дверь с решеткой и сказала:

– Можно нам войти?

– Конечно, – ответил дракон, – мне здесь ужасно скучно.

Итак, они вошли и при помощи еще девяти детей подняли корыто и поставили его возле дракона. Затем, все остальные дети ушли, а Тина и Джонни уселись возле дракона и стали плакать.

– Что это такое? – спросил дракон, – и что случилось с вами?

– Это хлеб с молоком, – ответил Джонни, – это наш завтрак, – весь наш завтрак.

– Ну, – сказал дракон, – я не понимаю, к чему вам завтрак. Я съем всех живущих в городе, как только немного передохну.

– Дорогой господин дракон, – сказала Тина, – мне бы очень хотелось, чтобы вы нас не съели. Как бы вам понравилось, если бы кто-нибудь съел вас самого?

– Совсем не понравилось бы, – сознался дракон, – но ведь меня никто и не съест.

– Не знаю, – сказал Джонни, – тут есть один великан…

– Знаю. Я бился с ним и поколотил его…

– Да, но теперь пришел другой. – Тот, с которым вы бились, был лишь маленьким сыном этого. Этот вдвое больше.

– Нет, он в семь раз больше, – поправила Тина.

– Нет, в девять раз, – сказал Джонни. – Он выше колокольни.

– Ах, Боже мой! – ужаснулся дракон. – Я вовсе не ожидал этого.

– И городской глава сказал ему, где вы находитесь, – продолжала Тина, – и он придет съесть вас, как только наточит свой большой нож. Голова сказала ему, что вы дикий дракон, но он ответил, что это для него безразлично. Он сказал, что ест диких драконов с хлебным соусом.

– Это очень неприятно, – сказал дракон, – и я полагаю, что эта жидкая смесь в корыте хлебный соус?

Дети сказали, что он угадал совершенно верно.

– Конечно, – добавили они, – хлебный соус подается только к диким драконам. Ручных подают с яблочным соусом и начинкой из лука. Как жаль, что вы не ручной дракон; он тогда не стал бы и смотреть на вас, – продолжали они. – Прощайте, бедный дракон, мы никогда больше не увидимся с вами, и вы узнаете, что значит быть съеденным.

И они снова принялись плакать.

– Но послушайте – сказал дракон, – разве вы не могли бы уверить его, что я ручной дракон? Скажите великану, что я попросту маленький, робкий ручной дракон, которого вы держите для забавы.

– Он ни за что не поверит этому, – сказал Джонни. – Если бы вы были нашим ручным драконом, мы держали бы вас на привязи, правда?

Мы не захотели бы рискнуть потерять такого дорогого красивого любимца!

Тогда дракон стал умолять детей сейчас же привязать его, что они и сделали при помощи ошейника и цепей, которые были сделаны в те дни, когда люди пели над своей работой и делали ее такой прочной, что она могла выдержать какую угодно тяжесть.

Затем, они пошли и объявили горожанам, что они сделали, и Джонни назначили главой, и он дал роскошный пир, совершенно, как обещал сделать, – весь состоящий из сладких блюд, с начала и до конца.

Обед начался с рахат-лукума и сладких пирожков, затем подавались апельсины, грильяж, кокосовое мороженое, мятные лепешки, пышки с вареньем, засахаренная малина, сливочное мороженное и безе, и все закончилось шоколадом, пряниками и карамельками.

Все это было отлично для Джонни и Тины; но, если вы – добрые дети, с мягкими сердцами, вы, быть может, огорчитесь за бедного, обманутого, проведенного дракона, сидящего на цепи в мрачном подземелье, единственным развлечением которого было раздумывать о неправдах, сказанных ему Джонни.

Вспоминая, как его обманули, бедный пленный дракон начинал плакать, и крупные слезы скатывались на его ржавую броню. Спустя некоторое время, он почувствовал сильную слабость, как иногда случается с людьми много плакавшими, особенно, если им нечего было есть лет около десяти.

Затем несчастный дракон вытер глаза и осмотрелся кругом; заметив корыто с хлебом и молоком, он подумал: – «Если великаны любят белое мокрое вещество, может быть и мне понравится».

Он попробовал немножко, и оно ему так понравилось, что он съел все.

А в следующий раз, когда пришли туристы, и Джонни, зажег бенгальский огонь, дракон сказал робким голосом:

– Извините, что я вас побеспокою, но не могли бы вы принести мне еще немножко хлеба с молоком?

Тогда Джонни распорядился, чтобы служащие объезжали город каждое утро с подводами, чтобы собирать хлеб и молоко, приготовленное всем детям на завтрак, и отвозили его дракону. Детей же кормили на счет города всем, чего они хотели; они стали есть исключительно пирожные и разные сласти и говорили, что охотно уступают дракону свой хлеб и молоко.

Когда Джонни пробыл главой лет десять или около того, он женился на Тине, и утром, в день своей свадьбы, они отправились вместе проведать дракона.

Этот дракон стал совершенно ручным, и его ржавый панцирь местами отвалился, а под ним дракон был так мягок и пушист, что его приятно было погладить.

И он объявил им:

– Не понимаю, как я мог, когда – либо есть что – нибудь, кроме хлеба и молока. Ведь я теперь совсем ручной дракон, не правда ли?

Они согласились с этим, и дракон продолжал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/nesbit_edit/skazki-o-drakonah

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити